

НЕ ХОДИ СЛУЖИТЬ В ПЕХОТУ!

Книга 3. Завели. Сели. Поехали.
Там разберёмся.

ТОМ 1

25-летию начала Второй Чеченской войны посвящается!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЮРИЙ ТИМОФЕЕВ

18+

**Юрий Тимофеев
Александр Мальцев**

**Не ходи служить в пехоту!
Книга 3. Завели. Сели. Поехали.
Там разберёмся. 25-летию
начала первой Чеченской
войны посвящается! Том 1
Серия «Не ходи служить
в пехоту!», книга 4**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71255092
SelfPub; 2024*

Аннотация

Продолжение серии «Не ходи служить в пехоту!».

Книга впервые была опубликована к 25-летию начала первой Чеченской войны.

Первая чеченская война. Это уже история.

Не многие сейчас помнят о той войне. Юрий Тимофеев и Александр Мальцев помнят и предлагают свой текст читателям.

Здесь вы найдёте ответы на вопросы о том, в каком состоянии была страна и её армия перед началом войны. Как тяжело и срочно формировались мотострелковые полки и их мотострелковые роты. Это рассказ о том как тяжело происходило «боевое слаживание». Как тяжело учились воевать и как потом беззаветно воевали.

Несмотря на то что в книге много батальных эпизодов, всё-таки эта книга прежде всего о людях, об очень разных судьбах, о том, как смелые и достойные поступки соседствуют с другими, которые не хочется вспоминать.

Книга основана на реальных событиях. Герои книги являются результатам воображения авторов, совпадение с реальными людьми могут быть только случайными.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	9
Март 1992 года. Россия, Московская область.	9
Глава 2	23
Россия, Нижегородская область, город	23
Дзержинск, военный городок, расположение	
воинских частей 31-й Висленской	
Краснознамённой орденов Суворова и	
Кутузова танковой дивизии	
Конец ознакомительного фрагмента.	65

**Александр Мальцев,
Юрий Тимофеев
Не ходи служить в
пехоту! Книга 3. Завели.
Сели. Поехали. Там
разберёмся. 25-летию
начала первой Чеченской
войны посвящается! Том 1**

Предисловие

Это третья книга из серии «Не ходи служить в пехоту!». Посвящается 25-летию начала Первой Чеченской войны.

Издание второе – переработанное (дополненное) по тексту, а не по смыслу и сюжету к 30-летию начала Первой Чеченской войны.

Нынешние власти страны в своё время сделали всё, чтобы замолчать скорбную юбилейную дату начала этой войны.

Сейчас вообще никто о ней не вспоминает. Никто даже не поздравит ветеранов той войны! Но мы, её участники, вправе помнить сами. Не должны допустить забвение.

Между тем эта война очень сильно повлияла на ход нашей истории, надолго отбросила планы реформирования Вооруженных Сил Российской Федерации, дискредитировала демократические реформы, начавшиеся в стране. Преступное поведение тогдашних властей России повлекло за собой многочисленные жертвы военных и гражданских лиц.

Это не боевик. Перед вами книга про жизнь в те тяжелые годы.

Как жили, служили, любили и ненавидели?

Что значит сформировать мотострелковую роту и повести её в бой?

Как это было?

О чём мы тогда думали и как рассуждали, как выживали без денежного довольствия и иных благ?

А зачем вообще пошли на эту войну?

Зачем служили?

Книга основана на реальных событиях. Её герои являются результатом воображения автора, совпадения с реально существующими людьми и событиями могут быть только случайными.

Автор постарался воспроизвести именно те настроения, то мировоззрение, которое было у него и у его сослуживцев именно тогда.

Были люди, которые голосовали в своё время за Бориса Ельцина. Были! Один из них (иногда мне кажется, что единственный) – я. Из этой песни слов не выбросишь, да и не собираюсь.

Сейчас, когда я дополнил и исправил первоначальный текст этой книги (октябрь 2024 года), наша армия проводит военную операцию, которая является частью специальной военной операции. Многое теперь выглядит иначе, но я постарался воспроизвести именно то время, хотя на многое сейчас смотрю по-другому», что вполне естественно.

Кроме того, хочу отдельно предупредить об одной неприятной особенности моего текста.

Ежегодно Министру обороны Российской Федерации направляется справка за подписью председателя Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации, где сообщаются общие данные о количестве осуждённых военнослужащих за воинские и общеуголовные преступления. Отдельно, естественно, есть статистика по офицерскому составу.

Ежегодно заместитель Генерального прокурора Российской Федерации – Главный военный прокурор докладывает Министру обороны Российской Федерации о состоянии законности и правопорядка в Вооружённых Силах Российской Федерации.

Все эти данные являются государственной тайной. Но те, кто знаком с этой информацией, нисколько не удивились, как много было в составе бывшей частной военной компании

«Вагнер» командиров из числа бывших и осуждённых офицеров, частично или полностью отбывших срок уголовного наказания по различным преступлениям.

Именно в девяностые годы резко выросла тенденция привлечения к уголовной ответственности офицеров за... общеуголовные преступления. Такие тогда наступили времена, и из этой песни слов тоже не выкинуть. А почему так получилось, в частности и на конкретных примерах вы сможете понять, если прочтёте эту книгу. Поэтому я не советую покупать её тем, кто до сих пор находится под впечатлением от таких, безусловно, очень правильных и нужных для своего времени фильмов, как «Офицеры» и им подобным. Не стоит вам разочаровываться, не тратьте свои деньги.

В нашей армии, как и в обществе в целом, имеют место разные поступки, и с героизмом, отвагой и прочими достойными поступками вполне могут уживаться нехорошие дела. Так бывает на самом деле... по моему очень субъективному мнению.

Глава 1

Март 1992 года. Россия, Московская область.

Самолёт приземлился на подмосковном аэродроме Чкаловский, ночью. Мороз. Метель. Тем не менее у всех нас, покинувших Кавказ, как тогда казалось навсегда, отличное настроение. Всё кончилось. Я покинул ненавистный Кавказ. Сколько ждал я этого момента! Дай бог больше никогда на этот Кавказ не вернуться!

Экипаж самолёта Ил-76 из полка военно-транспортной авиации забрала машина, а нам показали направление, в котором надо двигаться. Пару километров пешком, с вещами. Не по-человечески. Но в Советской армии что может быть по-человечески? Всё, что угодно, кроме отношения к людям.

В марте 1992 года еще не созданы Вооружённые силы Российской Федерации, это произойдёт позже – седьмого мая 1992 года. Президент России издаст соответствующий Указ. Лично я восприму этот Указ главы нашего государства с огромным оптимизмом и грандиозной надеждой на реформу армии и всей страны.

А пока это что-то непонятное с аббревиатурой СНГ, но по сути всё та же Советская армия – родная, сильно и беспощадно критикуемая всеми нами, но... любимая и непобедимая до сих пор. Надеемся, и в дальнейшем тоже будет непобедимой, естественно.

На КПП спросили у дежурившего на нём прапорщика, как добраться до Москвы. Выяснилось, что до утра это невозможно и в казармы местные нас никто не пустит. Предложил заночевать в неотапливаемом ангаре. Нам, конечно, этого не хотелось.

Через несколько минут к внешней стороне КПП подъехал ЗиЛ-131, явно местной авиационной дивизии. Сергей подошёл к старшему машины, прапорщику. Ещё через несколько минут мы все собрались у кабины старшего этого грузовика с тентом и буквально умоляли прапорщика «быть нормальным человеком». Прапорщик узнал, что мы все прибыли из Нагорного Карабаха, что в то время было почти синонимом слову «война», не выдержал и согласился отвезти нас на железнодорожную станцию. Спасибо тебе, добрый человек!

Приехали на станцию. Быстро убедились в том, что электричек не будет до утра. Остановили какой-то гражданский ПАЗик и договорились, что он нас за деньги отвезёт в Москву на площадь трёх вокзалов. По пути спросили водителя, знает ли он гостиницу, где могут быть свободные места. Водитель обещал отвезти желающих к гостинице «Минск» за небольшую плату.

Почти все вышли у Казанского вокзала столицы. Желających ночевать в гостинице оказалось двое: я и Сергей. Елеле уговорили комбата. Он бережёт деньги для семьи, которые и так каждый день обесцениваются галопирующими темпами. Мы обещали комбату, что договоримся, чтобы его пустили «зайцем» к нам в номер и ему не придётся платить. Едва уговорили. На самом деле решили сами заплатить за него.

У трёх вокзалов простились с однополчанами. Там же обменяли все имеющиеся рубли на доллары и германские марки.

Водитель автобуса нас уверял, что, скорее всего, мест в гостинице не будет и нам придётся вернуть на вонючий вокзал. Места в гостинице всё-таки были, дали сверху пятьдесят германских марок. За комбата заплатали сами, ему наврали.

Разместились, помылись, достали харчи, коньяк был у всех. У дежурной купили сосиски и хлеб, очень дорого, но делать нечего. Ей хорошо и нам тоже.

Шоковая терапия от Егора Гайдара быстро превратила всё в рынок. Вместе с тем наше денежное довольствие превратилось в нищенскую подачку, но тогда нам казалось, что эти трудности носят временный характер, их можно пережить ради светлого будущего, в которое я очень верил, желал глубоких и радикальных реформ государства и Вооружённых сил нашей новой старой страны. С другой стороны, нам очень нравилось, что если есть деньги, всё можно купить

и решить.

У Сергея кипятильник, чай и сахар. И главное! Прямо из крана, из душа идёт горячая вода. Блаженство!

Отметили хорошо.

Я наконец уговорил комбата рассказать о том знаменитом Памирском марше его 860 отдельного мотострелкового полка при вводе войск в Афганистан в декабре 1979 года. У меня не укладывалось в голове, как они с приписным составом, в советской военной форме смогли выдержать в горах шквальный ветер при морозе более минус сорок градусов и провести технику по серпантинам. Потом сходу, как только вошли в Афганистан, вступили в бои и как тяжело учились там воевать. Мне жалко было расставаться с таким опытным командиром. Именно опытным, оттого спокойным и рассудительным в боевой обстановке. Но уже было ощущение, что ни он, умудрённый опытом боевой командир, ни мы, ещё молодые, но уже получившие первый опыт, приближенный к боевому, унижительный и обидный, но не менее ценный, никому не нужны.

Встали поздно. В штаб округа я собирался только послезавтра. Серёга решил остаться ещё на один день в Москве и сходить со мной в ресторан. Проводили комбата, ему нужны были билеты до Свердловска. Простились. Тяжело на душе и полная неопределённость в мыслях.

Мы с Сергеем пошли на центральный телеграф на Тверской улице и позвонили своим.

Мои родители были очень рады, что я покинул этот Кавказ. Ольга взяла с меня слово, что, как только выяснится, в какой конкретно гарнизон меня направят, я ей сразу позво-
ню.

Здесь, в Москве, Сергей преобразился. Стал весёлым, общительным со мной, приветливым со всеми, очень жизнерадостным человеком. От этого молчаливого и замкнутого белоруса не осталось и следа. Мои подозрения, что Сергей стал ненавидеть всех людей, развеялись. Передо мной опять стоял тот самый улыбчивый и немного бесшабашный Серёга, с которым я познакомился в далёком 1988 году.

Вечером сходили в ресторан, за валюту. Везде висели таблички «СКВ», что означало, что товары и услуги доступны только за свободно конвертируемую валюту. К ней относились имевшиеся у нас доллары и марки, но не рубли. Шиканули, но не слишком. Вспоминали и Новикова, и Курдюмова, и Игоря, и комбата, и замполита батальона, и ещё много кого. Так получалось, что в нашем батальоне нам посчастливилось служить с хорошими и порядочными офицерами, никого плохим словом не вспомнили. Тему позорного бегства (предательства нас с Серёгой) Курдюмова на Украину обошли стороной, уж слишком она была тяжёлой для нас. Человек слаб, и ничего тут не сделаешь. Предательство – распространённое явление. Вспомнили многих бойцов и разные истории. И конечно, вспомнили наше преступление и весело хохотали, без малейших сожалений. Единственное, Сергей

меня упрекал, что я не осмотрел кабину машины, там могли остаться деньги. Слишком маленькая сумма нам досталась. Впрочем, я был уверен, что мы забрали все деньги, потому что грузины были сильно напуганы и в кузове ещё оставались нераспроданные печки.

Отдельно обсудили и вспомнили «наших» украинцев, точнее, их разговоры и претензии к России. Выяснилось, что моему белорусу это запало в душу ещё больше, чем мне, просто он смотрел на это с другой стороны – с точки зрения человеческой порядочности. Это был его традиционный и фирменный взгляд. Не зря Сергей был земляком писателя, майора в отставке Василя Быкова. Не знал я до сегодняшнего дня и то, что он крайне плохо относится к настоящим украинцам, оказалось, что его родственники в Белоруссии очень сильно пострадали именно от рук прислуживавших германцам украинцев. Столько времени мы провели с ним вместе и совсем не знали друг друга. Это было удивительным.

С другой стороны, Сергей сказал мне, что и меня он, оказалось, совсем не знал. Он считал меня настолько порядочным и честным человеком, что и представить себе не мог, что я предложу ему совершить самое настоящее уголовное преступление.

На следующий день простился со ставшим мне родным моим белорусом, командиром роты. Опять тягостно на душе. Обменялись адресами и телефонами родителей.

Переоформил в гостинице другой номер и на следующий

день пошёл в штаб округа, точнее, в управление кадров.

Первый вопрос:

– Почему вы, товарищ старший лейтенант, в полевой форме?

Я объяснил, но отношение у полковника-кадровика было уже предвзятое.

– И что вас всех в Московский военный округ направляют? МВО вам резиновый, что ли?

Я молчал. Терпел.

– Это хорошо, что ты командир мотострелкового взвода. Сейчас идёт громадное сокращение офицеров, но должности командиров взводов есть. Есть даже капитанская – командир учебного взвода, в учебной дивизии в городе Ковров. Пойдешь?

– Не хотелось бы на учебный взвод, в учебку.

– Тогда могу предложить в Дзержинск, там из Чехословакии вывели танковую дивизию, два танковых полка которой стоят отдельно, в Дзержинске. В обоих полках есть вакантные должности командира взвода в мотострелковых батальонах этих танковых полков.

– А остальные полки дивизии где стоят?

– Ну ты и наглец! Я тебе предлагаю хорошее место, в городе. Там трамваи в этом Дзержинске ходят! Город самый настоящий, а не полигон!

– Я из любопытства спросил. Отлично знаю, что с вами дерзить нельзя и не собираюсь. Просто стало интересно, по-

этому спросил.

Кадровик посмотрел на меня мельком и уже спокойно ответил:

— Два танковых полка и разведбат дивизии стоят в Дзержинске, остальные полки и отдельные батальоны в Сорново, в самом Нижнем Новгороде. А может, ты в разведбат хочешь? В разведбате тоже есть должности.

— Нет, товарищ полковник, разведка не моё.

— Понятно. А может, всё-таки на учебный взвод, в Ковров?

— Товарищ полковник, направляйте меня в один из танковых полков в Дзержинск.

— Выходит, ты от капитанской должности отказываешься?

— Так точно.

— Ну и правильно. Понимаю.

Я достал из сумки бутылку подарочного грузинского коньяка и поставил на стол.

— Это вам.

— За что? Убери сейчас же.

— В том-то и дело, что ни за что, просто так. За то, что нормально ко мне отнеслись. Спасибо. Я очень хотел послушать в городе.

Полковник посмотрел на меня, взял бутылку и убрал её куда-то в ящик письменного стола.

— Может, тебе надо несколько дней до убытия в полк?

— Я бы не отказался.

– Давай приходи через неделю. Погуляй, только смотри без приключений. Поедешь в Дзержинск, вопрос решённый.

– Спасибо, товарищ полковник.

Я вышел из штаба округа с созревшим планом. Позвонил родителям и Ольге, сообщил о том, что буду служить в Дзержинске, а сейчас отправляюсь за машиной в Витязево. Все обрадовались.

Потом позвонил бабушке и сообщил, что приеду. Бабуля не отходила от меня ни на шаг, кормила всякими вкусностями, взяла с меня обещание, что я обязательно приеду к ней в отпуск.

Я подготовил машину к перегону по всем правилам, оружие спрятал среди вещей в чемодане (бабушка дала мне три комплекта постельного белья, нормальные полотенца и прочее). Загрузил машину вареньями, соленьями, картошкой и прочими овощами. Взял подушки и одеяла. На сей раз я ни от чего не отказывался, ведь вознамерился жить в нормальных условиях. Кроме того, время наступило голодное. Точнее, шоковая терапия Гайдара быстро привела к изобилию на полках магазинов, но денег не хватало. Лучше так, чем дефицит всего и вся.

Загрузив машину до отказа, простился с бабушкой и рано утром выехал в Москву. Съехал с трассы в Воронежской области и напросился на ночлег к одной бабушке совсем за небольшие деньги. Вторую ночь спал в машине в посёлке Калининцев под Москвой, где располагается 2-я гвардейская

мотострелковая дивизия (Таманская), так было безопаснее в это беспокойное время.

Утром прибыл в штаб округа, получил предписание и поехал в Дзержинск. Ехал в полевой форме (афганке), милиция меня остановила пару раз, но, узнав, что я еду к новому месту службы, увидев, чем загружена у меня машина, мгновенно отпускали. Что с меня взять, с убогого?

Вечером приехал в Дзержинск, быстро нашел военный городок. Он находился рядом с площадью Свободы.

Припарковал машину у КПП. Сообщил прапорщику-дежурному по КПП о том, что прибыл к новому месту службы, он в свою очередь доложил обо мне дежурному по полку, а уже минуты через три я пошел представляться командиру полка, который был в это позднее время ещё на месте.

За это время прапорщик успел дать характеристики командиру нашего с ним полка, всем его заместителям, моему командиру мотострелкового батальона и, непонятно для чего, всем трём командирам танковых батальонов и даже командирам самоходного гаубичного артиллерийского дивизиона и зенитного дивизиона.

Дежурным по полку стоял начальник штаба одного из танковых батальонов, немолодой майор, который размашисто со мной поздоровался, мы познакомились, и он дал команду дежурившему по штабу сержанту меня сопровождать до кабинета командира полка, на второй этаж.

Представился по всей форме, как положено. Командиром

оказался подполковник, интеллигентный и, судя по всему, умный человек.

– Почему вы, товарищ старший лейтенант, прибыли представляться в полевой форме? – строго и с большим неудовольствием спросил командир полка.

– Вся форма, кроме полевой, пропала под обломками казармы после артиллерийского обстрела расположения полка.

– Это где это вас так?

– Моё предыдущее место службы – гвардейский мотострелковый полк недалеко от советско-иранской границы, в Нагорном Карабахе.

– Полк прикрытия государственной границы?

– Так точно, товарищ подполковник.

– Это вас там персы обстреливали из гаубиц? Или мамеды? Или арменоиды?

– В основном мамеды. Но и от армян нам досталось, исподтишка, естественно, как обычно принято у них. Отдельный разговор, если честно, товарищ подполковник. В двух словах не объяснишь это всё.

– Служить желание есть? Увольняться не желаешь?

– Никак нет. Я хочу служить.

– Это очень хорошо. А то в полку больше половины командиров взводов, рот и батарей желают уволиться. Апокалипсис какой-то.

В это время в кабинет зашёл начальник штаба полка, тоже подполковник. Я представился, и он мне пожал руку. Коман-

дир полка предложил присесть, и меня начали с большим интересом расспрашивать о моей службе на Южном Кавказе и о тех событиях, в которых я участвовал. Мне было видно, что эти люди тяжело переживали всё происходящее в стране.

Во время разговора командир полка позвонил в офицерское общежитие и приказал подготовить мне койку. Разговор завершился очень доброжелательно и по-товарищески.

– Сегодня идёшь в общежитие. Всё остальное завтра. В общежитии тебе подготовили место. В отпуска свои пойдёшь в удобное для тебя время, заслужил. Отмокай потихоньку, но и в службу быстрее втягивайся.

Начальник штаба лично распорядился впустить мою машину на территорию городка и внести её в списки.

Место, которое мне выделили в общежитии, оказалось временное, потому что комната предназначалась для семейных, со своим туалетом и душевой. Здание было добротное, кирпичное, в отличном состоянии.

Постоянное место мне выделяют в одноэтажном сборно-щитовом доме под названием «модуль», в четырёх или шестиместных комнатах с общими на всё общежитие туалетом и душем, как только там освободится койка после увольнения очередного офицера.

После того как разместился, пошёл посмотреть модуль и сразу решил, что предприму максимум усилий для съёма жилья за пределами полка. Особенно не понравилось наличие крыс. Хотелось пожить с комфортом. Деньги пока что

есть, а потом разберёмся.

Утром до развода представился комбату, уже немолодому майору, недавно назначенному на должность, и его заместителям. Комбат уже знал обо мне от командира полка. Все отнеслись ко мне в высшей степени доброжелательно. Потом представился командиру роты, капитану Осипову Виктору Петровичу, который давно должен быть майором, но прослужил в полку в Чехословакии почти шесть лет (повезло, под вывод полка уже не сделали замену) и всё время командиром этой роты, которой прокомандовал семь с лишним лет. Встретил он меня с прохладой и недоверием, но, когда узнал, что я хочу служить, а увольняться не собираюсь, сразу заулыбался и стал приветливым. Оно и понятно, ведь два других командира взвода написали рапорта на увольнение и к службе уже относились наплевательски. Прапорщиков в роте не было, ни старшины, ни техника, уехали к себе на Украину через несколько месяцев после вывода полка из Чехословакии. Помощник командира роты по работе с личным составом (так начали называть бывших замполитов) вакант.

Осипов сказал, что фактически мне придётся быть его заместителем, велел мне не мечтать, что я буду командовать только своим взводом. В других ротах и миномётной батарее ситуация точно такая же.

Комбат на разводе представил меня всему личному составу батальона. Впрочем, батальон – это громко сказано, ведь в нём на тот момент было меньше двухсот человек, хрони-

чески не укомплектован.

Первое впечатление от полка и батальона было хорошее. Несмотря на продолжающийся развал, здесь ещё чувствовалось что-то, сохранившееся от службы в ЦГВ (Центральная группа войск), порядок и дисциплина были вполне удовлетворительными.

Глава 2

Россия, Нижегородская область, город Дзержинск, военный городок, расположение воинских частей 31-й Висленской Краснознамённой орденов Суворова и Кутузова танковой дивизии

Батальон на БМП-2.

Я очень любил эту машину. В роте сорок солдат. В моем взводе двенадцать человек, все командиры отделений, наводчики-операторы и механики-водители, замкомвзвод, один пулемётчик и один гранатомётчик. Не густо, но служить можно. Замкомвзвод, украинец, призванный с Украины, с Винницкой области сержант, которому увольняться осенью, то есть по сути дела дослуживающий в нашей армии гражданин уже другой страны, но таковы были какие-то там договорённости между руководством наших стран.

Два других командира взвода, ни слова не говоря, сразу после развода демонстративно направились в сторону КПП

вместе с другими такими же из других подразделений батальона и полка. Ясно, что этот вопрос ранее уже отработан до автоматизма, и им никто слова не сказал. Как выяснилось позже, все уже устали воевать с такими увольняющимися, но из-за того, что с ними ничего нельзя сделать, все махнули на них рукой. Хотя мне рассказали, что как только такое началось, страсти кипели сильные, ругались, орали и чуть ли за грудки хватали друг друга.

По первым же наблюдениям понял, что личный состав роты проявляет дисциплинированность только в присутствии командира роты. Спокойной жизни у меня не предвидится. И всё-таки меня порадовало, что ни в роте, ни в батальоне не было ни среднеазиатов, ни кавказцев. Все славяне, а значит, не будет никаких межнациональных отношений и проблем.

Самое тяжелое было перестроить свои мозги. Служба в полку в Закавказье и служба в этом полку не имела ничего общего. Но перестроить своё мышление и подходы мне было нелегко. К чему-то я там относился серьёзнее, на что-то не обращал вообще внимания. Мысленно я вновь и вновь возвращался туда, на Кавказ и начал даже находить, что когда-то и что-то было там хорошее, особенно в период, когда командиром роты был Новиков. Сравнивал несравнимое.

Через несколько дней я остался в батальоне ответственным. С огромным трудом и большими нервами добивался от личного состава выполнения распорядка дня и прочих требований. Стало понятно, кто из солдат и сержантов оказался

самым авторитетным в батальоне. К сожалению, это не был мой заместитель, хохол. Ему было очень далеко до такого. Это был водитель из взвода обеспечения батальона по фамилии Кучумов. Вот с ним я и решил поговорить.

Разговор не получился совсем. Я еле сдержался, чтобы не набить ему морду. Посоветовался по этому вопросу с Осиповым. Но тот сказал, что ничего с этим Кучумовым сделать нельзя. Водителей хронически не хватает во всём полку, дефицит. Поэтому его комбат не даст ни на гауптвахту посадить и ничего другого сделать, Кучумов это знает, пользуется и ещё больше буреет.

Питался всухомятку и только обедал в офицерской столовой, в которой совершенно не было народа. Оно и понятно, теперь это стало дорого для офицерской получки. Кроме того, уже тогда начали появляться первые случаи задержки выплаты денежного довольствия офицерам и прапорщикам, пока они были не критические: на одну-две недели, но в условиях, когда люди живут без валютных накоплений, от получки до получки, эти задержки уже были чувствительными.

В первый свой выходной я решил заняться поиском квартиры. Меня предупредили, что уже через несколько дней мне будет предоставлено место в модуле. На майские праздники ко мне должна приехать Ольга.

Купил местную газету и нашёл там объявления о сдаче однокомнатной квартиры, расположенной недалеко от пол-

ка. Пошёл в телефон-автомат и позвонил. Договорились о встрече.

Квартира была на пятом этаже сталинского дома, окна во двор, очень чистая, со свежим косметическим ремонтом, мебелью, холодильником, телевизором и даже с посудой.

То, что я офицер, видимо, импонировало хозяйке квартиры, но мой возраст ей очень не нравился.

– Давайте так договоримся. В этой квартире вы проживаете один и никого сюда не приводите.

– Нет, этого я вам обещать не могу. Я снимаю квартиру и ухожу из общежития не для того, чтобы жить одному. Скоро ко мне из Калининграда приедет моя девушка. Родители тоже обещали провести, соскучились.

– Хорошо, пусть девушка ваша живёт. Родители тоже, конечно, могут. Но вот других девушек и друзей сюда приводить не надо.

– Буду с вами честен. Вполне возможно, что иногда здесь будут ночевать и другие девушки, а не только моя невеста.

Хозяйка с беспокойным и недоумённым взглядом посмотрела на меня. Но, видимо, в этом городе, да ещё в такое тяжёлое время не так просто сдать квартиру. Она промолчала, а я продолжил:

– Обещаю, что здесь не будет никаких пьянок и гулянок. Я сам мало пьющий, не люблю. И друзей здесь не будет, ну разве что кто-то проездом заедет ко мне. Такое может быть. Не беспокойтесь.

В итоге договорились на триста долларов за год, деньги вперед. Взял с неё расписку в получении денег за год вперёд. На этом все формальности были улажены.

Поразился тому, как быстро мне удалось повернуть это дело, а я боялся к нему подступиться. Радости моей не было предела. Хорошо, что у меня есть эти самые доллары. Невольно вспомнил то нападение на грузин, где нам с Сергеем удалось захватить деньги. Я бы и сейчас повторил это с легкостью.

В комнате общежития оставил только часть формы, остальное быстро перевёз.

Потом поехал на рынок купить мясо, чтобы приготовить себе щи из свежей капусты и еще что-нибудь. Придётся учиться готовить что-то, кроме первого, ничего не подделаешь.

Первое что бросилось в глаза на рынке, это засилье гостей с Кавказа. Чувствовалось, что они здесь вовсе даже не гости, а самые настоящие хозяева жизни, ведут себя агрессивно и вызывающе. На меня нахлынул приступ ненависти. Вы же орали там, у себя: «Русские оккупанты», «Русские, убирайтесь» и так далее.

Что мы за народ такой? Ни гордости, ни высокомерия. Многие народы сразу бы показали, кто тут господин, а кто унтерменш. Я давно уже не интернационалист и даже напротив, а русский народ здесь, в доброй и такой родной Нижегородской области, ещё верит в эту дружбу народов.

Как из нашего народа выбить интернационализм? Коммунисты вбили людям эту мерзость в голову до такой степени, что мы даже у себя дома позволяем чужакам демонстрировать издевательство над нами. Долго находиться на рынке я не мог, поэтому быстро всё купил и уехал к себе.

Во мне всё клокотало, я не мог отойти от впитанной намертво на Кавказе межнационалки. В голову лезли очень негуманные и крайне радикальные идеи, как русские должны избавиться от этих назойливых и неприятных гостей, которые на самом деле стали тут хозяевами. От этих тяжёлых мыслей удалось отвлечься только благодаря телевизору, который стало очень интересно смотреть.

Щи получились отличные, а с котлетами что-то не получилось, расползались и вообще вышли невкусными, но с пюре проскочили. На несколько дней еда была готова. Холодильник заполнен продуктами. Всё, что надо было, постирано и поглажено, можно было поехать по городу, познакомиться с ним и изучить.

Утро, понедельник, так называемый «командирский день».

Комбат уже перед подъёмом, на построении командиров батальонов, дивизионов и отдельных рот, получил от командира полка жёсткое внушение за то, что вчера вечером ответственный по полку «замполит» полка поймал наших бойцов пьяными. Но это ещё мелочь. При попытке навести порядок в батальоне, пьяные бойцы начали пререкаться и фак-

тически вышли из повиновения. У нас ответственным по батальону был «замполит» батальона, который сам оказался сильно выпившим и пустил все на самотёк.

Быстро установили зачинщиков и участников этого безобразия. Конечно, среди них, кроме прочих, был Кучумов и ещё несколько человек, четверо с нашей роты. Но наказать никого мы никак не могли. После развода почти всех людей роты разобрали в различные команды, так что мне еле-еле удалось отстоять двух механиков-водителей для работы в парке.

– Будете разбираться с ними вечером, после ужина, – отрезал комбат.

Он вывел из строя всех участников безобразия. Коротко отругал. Кучумова предупредил, что если ещё раз поймают его на пьянке, то, несмотря ни на что, порвёт его водительские права и поставит на должность стрелка в одну из рот. Было видно, что Кучумов угрозы комбата воспринял всерьёз, но это ничего не решало, просто этот солдат боялся только комбата, а остальных, особенно командиров взводов, ни во что не ставил. И на этом всё.

Чего в таком случае ждать?

Понятно. Чтобы меня слушали, мне надо было завоевать собственный авторитет. Это была уже давно очень актуальная для меня задача. Если в парке при работе на технике, где я основном и пропадал, мне удавалось добиваться выполнения поставленных задач, то при выполнении функции стар-

шего на других работах мне это удавалось с очень большим трудом. Проблема уже перезрела.

Осипов тоже негодовал и признался мне позже, когда перед обедом зашел в парк посмотреть, как продвигаются у меня дела:

– Ты знаешь, когда рота была развёрнутой, шла боевая подготовка. Да ещё какая! Стрельба, вождение, день-ночь, по кругу. Проверки и так далее. Было очень тяжело командовать, но легче, чем сейчас. Дисциплина была железная. Я ведь дважды роту делал отличной. Поверь, это очень тяжело, особенно там, за границей. А потом как получается? Сдали проверку, рота все умеет, любую задачу выполним на счёт раз, потом увольняем дембелей, приходит новое пополнение, обученность резко падает, и начинаешь всё сначала. Сейчас мне очень больно смотреть, в каком состоянии оказалась рота и батальон в целом. Командир полка предупредил, что, скорее всего, будет ещё хуже. Пополнения не будет. Возможно, в батальоне останутся одни офицеры. Поэтому сейчас надо сделать всё по максимуму, пока личный состав есть. Потом будем всё сами делать. Командир полка говорит, что в авиационных частях уже сами офицеры-лётчики в караулы часовыми ходят.

– Не может такого быть!

– Может. Теперь наша армия будет питаться только призывниками из России, а их очень мало. Откуда было больше всего солдат? Средняя Азия, Закавказье, украинцев много

было. Теперь они там, у себя, будут служить. Да и в военкоматы никто не пойдёт. Демократия!

— А как так получилось, что замполит батальона допустил пьянку, когда он был сам ответственным?

— Замполит у нас мужик нормальный. Там, в ЦГВ, он был грозой солдат всего полка в своё время. Раньше у замполитов власть была огромная. Да ты и сам знаешь. Застал. Он ни одного офицера не сожрал, наоборот, прикрывал, где мог. В общем, повторю, нормальный мужик он был. А тут замполитов взяли и сделали помощниками. Понимаешь? Был замом, майор, на майорской должности, а стал помощником на капитанской. Ну, полномочия возьми ради интереса посмотри и сравни. Там КПСС была и всё такое, тоже попробуй покрутись, выполни всё, что от них требовали. А сейчас что? Понимаешь, пропало у них всякое желание, представь себя на его месте. А куда расти? Вот и доживают до пенсии, чтобы поскорее уйти.

— А я считаю, что в целом правильно, что политработников убрали. Просто надо было не так, не всех под одну гребёнку.

— А как?

— Правильно, что убрали всяких там секретарей парткомов и комитетов ВЛКСМ, пропагандистов и прочих. В танковом батальоне, артиллерийском и зенитном дивизионе замполиты не нужны, там людей мало по сравнению с пехотой, с ними может сам замполит полка справиться, а вот в

мотострелковом батальоне нужен замполит и в мотострелковых ротах тоже. Именно заместитель, только, конечно, не по политической части, а по работе с личным составом или ещё как-нибудь их там называть. Помощники не нужны. Нужны замы с правами, и чтобы отвечали. А с помощника какой спрос?

Осипов посмотрел на меня внимательно и ответил:

– А, пожалуй, ты прав. В разведроте тоже нужен.

– И в роте материального обеспечения, и в ремроте. Эти роты большие и сложные.

– Согласен.

– У нас-то в роте почему эта должность вакантная?

– Говорят, что увольняются они все. Все высшие военно-политические училища будут или расформированы, или выпускать будут командиров, станут командными, база там хорошая. А потом кто хочет в пехоту? Все ищут места потеплее, естественно. Сам знаешь.

– Что с нашими уродами-алкашами делать будем?

– Не знаю. Пока не знаю. На гауптвахту не посадишь, и так народа нет. Что остаётся? Замечание? Выговор, строгий выговор? То есть остаётся одна мера – дать им трандюлей, а потом побеседую по душам. За мной не заржавеет.

Осипов ушёл, и я остался переваривать наш разговор. А что бы сделал Новиков на месте Осипова? То же самое. Абсолютно то же самое, никаких сомнений. Мне не хотелось так поступать, но выхода я не видел.

Постепенно от тяжёлых мыслей отвлекла техника. Та машина, которую мы не могли завести и копались с ней уже не один день, завелась, что вызвало у меня большую радость. Наконец! Через пару минут завелась и одна из САУ артдивизиона. Я уже познакомился с командиром одной из батарей и командиром взвода, которые тоже мучились не один день над одной из своих самоходок. Мимо меня на заправку прополз танк Т-80 БВ, оглушив звуком своего газотурбинного двигателя.

Подумал о другом. Какая же мощь был наш полк, когда стоял там, в Чехии, недалеко от границы со странами НАТО. 94 вот таких Т-80 БВ чего стоят! Плюс к этому 18 САУ, да не простых, САУ «Акация», 152-мм гаубицы. Обычно в танковых и мотострелковых полках САУ «Гвоздика», 122-мм гаубицы, а у нас в полку «Акация», которая может стрелять спецбоеприпасом (ядерным проще говоря). В Гяндже даже в артиллерийском полку дивизии такого калибра не было, из ствольной артиллерии только буксируемые гаубицы Д-30, а тут в танковом полку «Акации». Наш батальон тоже сила: более сорока БМП, девять миномётов, шесть АГС-17 и много чего ещё.

В это время засобирались на обед зенитчики. «Тунгуски» одной из батарей зенитного дивизиона начали опускать свои антенны, командир этой батареи тут же поддал пинка за что-то зазевавшемуся солдату, видимо, за соблюдение «мер безопасности». Это выглядело особенно смешно: на фоне но-

вейшей и современной техники старые и надежные методы управления личным составом. И главное, никто не обиделся. Солдат знает, что получил за дело и не хочет бесед всяких. И командиру батареи хорошо, он наверняка тоже не имеет никакого желания читать нотации подчинённым, да и некогда. Дело надо делать.

Эти «Тунгуски» – совсем новая техника, поговаривают, что кроме самого командира батареи и одного молодого лейтенанта её больше никто в зенитном дивизионе не знает.

Все офицеры в разговорах между собой были едины во мнении, что не надо было выводить все войска из стран Центральной и Восточной Европы. Надо было оставить в каждой стране хотя бы по одной танковой или мотострелковой дивизии и летчиков какое-то количество, конечно. Понятно, что там было огромное количество войск, избыточное, и стране тяжело было бы это содержать, но выводить полностью – это было большой ошибкой.

Я представил наш танковый полк, выходящий на учения в Чехословакии со всеми подразделениями, со всеми танками, БМП, САУ, ЗПРК и прочими там мостами и понтонами. С обученным и хорошо дисциплинированным личным составом. Силища непобедимая. Никто не посмеет подумать о войне с нами! А сейчас? Сейчас неизвестно. Известно только, что слабых быют. В чём я сам лично убедился, когда наш полк в Степанакерте был разукомплектован. Быют безжалостно.

С другой стороны, пока у нас есть надежные стратегические ядерные силы, кто посмеет на нас напасть? Но неизвестно, в каком состоянии они находятся.

А что делать в таких маленьких конфликтах, как в Карабахе? Внутренние войска МВД – вот кто должен такие конфликты гасить.

А если крупнее что-то? К такому мы сейчас не готовы, однозначно.

Жаль, что всё приходит в упадок. А почему? Потому что главное – это люди. Грустно, но над этими словами наших политработников мы всегда всячески издевались и смеялись. И я среди первых. Считали эти их слова большим лукавством, а в последнее время я эту их фразу часто вспоминаю. Главное, но не единственное. В нашем полку отличная техника в боеготовом состоянии, но людей не хватает, а те, что придут им на смену, будут плохо обучены и мотивированы. Поэтому техника неминуемо будет приходить в упадок, и действовать на ней они не смогут. А с другой стороны, можно иметь отличных людей, но не иметь хорошей техники, и получается тоже плохо. Вывод-то простой: нужны и люди, и техника, но главное люди.

Техника нашей роты, а это одиннадцать БМП-2, была в приличном состоянии. Чувствовалось, что она долгое время находилась в хороших руках Осипова и получала надлежащий уход и обслуживание. Если мерить по главному военному критерию, она «заводилась». Так сложилось, что, если

«заводится», значит, всё остальное вполне можно быстро поправить. Но, все, кто командовал взводами и ротами, понимают, что кроме «заводится» на технике столько «мелочей», что все их переделать очень сложно и почти невозможно.

В принципе, дела продвигались успешно, но был вопрос, который невозможно было решить – это аккумуляторы. Некоторые аккумуляторы уже выслужили установленный срок службы, а у большей части срок службы истекал уже в следующем году, но нас предупредили, что замены старым аккумуляторам не будет и «берегите то, что есть». Проблема.

Вечером я поехал на своей машине в промзону, просто посмотреть. Издалека на дороге увидел УРАЛ нашего батальона, а рядом с ним Кучумова, который стоял возле него и скачивал солярку в рядом стоящий гражданский КАМАЗ. Остановился. Вышел из машины, ни слова не говоря, посмотрел и уехал. Кучумов, увидев меня, никак не отреагировал, только нагло и пристально посмотрел и спокойно продолжил свое дело.

Вернувшись в батальон, выяснил, что машину с Кучумовым брал сегодня начальник штаба батальона. Видимо, начальник штаба после всех необходимых поездок приехал домой, расписался в путевом листе и отправил Кучумова в парк самостоятельно, а тот, в свою очередь, по дороге решил слить солярку и заработать на водку.

Что делать? Шум не надо поднимать, это в любом случае.

Завтра доложить начальнику штаба батальона, а там пусть сам разбирается. Но что-то в этом варианте мне не нравилось. Мне хотелось разобраться с этим наглецом самому.

В принципе, все солдаты моей роты, да и всего батальона, мне нравились, включая Кучумова. Я понимал, что, окажись мы в обстановке близкой к боевой, все проблемные солдаты станут одними из лучших и инициативных, а у нас резко изменились бы отношения друг с другом. Сейчас же меня личный состав воспринимает как полицейского, а не как своего командира. Именно поэтому мне тяжело ими командовать, не хотят подчиняться. Сейчас, в мирное время, это вопрос авторитета, который может держаться только на страхе передо мной и на моей силе (не только физической). Поставить всё «на кулак»? Но у меня не такие могучие кулаки. А потом, хоть политработников и отменили, но все равно риск налететь на уголовное дело оставался.

Что остаётся? Беседа? Мои попытки достучаться до их сознания ни к чему не привели. Наоборот, я подозреваю, воспринимаются как моя слабость. Что делать? Опять же, самый авторитетный солдат в батальоне – это Кучумов, он же и самый наглый в батальоне солдат. Пока Кучумова я сам лично на место не поставлю, он не даст хоть сколько-нибудь укрепиться моему авторитету в батальоне. Выходит, надо разговаривать с Кучумовым, но первая попытка оказалась крайне неудачной.

Попробовать Кучумова избить? Но он запросто ответит,

нет сомнений. Кроме того, он высокий и широкоплечий, явно занимался вольной борьбой, мы с ним в разных весовых категориях. Имел многочисленные приводы в милицию, видимо, поэтому он оказался у нас, а не в ВДВ или в спецназе.

Что ещё известно о нём?

Известно, что он прилюдно послал на три буквы свою мать, которая приехала его проведать, вырос без отца, а старший брат сидит где-то в тюрьме.

Я сидел в канцелярии своей роты и предупредил дежурного вызвать ко мне Кучумова, как только он появится. Плана у меня не было и идей тоже не было.

Дверь канцелярии распахнулась, в неё без стука вошёл Кучумов и обратился ко мне:

– Чё надо?

Меня не удивила такая наглость, что-то в таком духе я ожидал.

– Я вызвал тебя, солдат, для того чтобы сказать, что ты чмо. Для того чтобы в глаза объявить тебе, что ты трус и последняя шестёрка в батальоне, – еле сдерживая ярость, спокойно произнёс я.

– Что ты сказал, гандон? – прошипел от неожиданности Кучумов.

– Повторю. Ты стукач особиста полка, чмо и шестёрка.

– Стукач кого?

– Особиста.

– Кто это такой? – недоумеваая произнёс Кучумов.

– Вот, вижу хорошую подготовку КГБ. Я знаю, они там своих стукачей готовят к таким разговорам.

– Что ты несёшь, старлей? Ты чё, о..л? – уже громко произнёс Кучумов.

– Я тоже сейчас начну орать, и весь батальон узнает, кто ты.

– Я не понял. Короче, поясни предьяву, – уже более спокойно и гораздо тише произнёс Кучумов.

– Дверь плотно прикрой.

Кучумов послушно прикрыл дверь.

– Поясняю. Ты нагло на глазах офицера продаёшь солярку. Смело пьёшь водку. Очень нагло, с вызовом, на «ты» смеешь обращаться ко мне. Почему? Кто из батальона может себе это позволить? Никто. Только ты. Почему? А потому что тебя опекает особист. Только под их опекой можно такое себе позволить.

– Это все х..ня, то, что ты говоришь. Мне все пох...

– Возможно. Но ты мне объявил войну. Я не хотел принимать вызов, но другого выбора у меня нет. Ты решил подрывать мой авторитет, а я буду уничтожать твой авторитет. Это война. Посмотрим, кто победит.

– Я твой рот.. – Кучумов, разразившись матерной тирадой, покинул канцелярию.

Полный крах. Я остался с очень тяжёлыми мыслями. Это беспредел! И ничего сделать не могу. Так оставлять нельзя. Надо срочно с этим Кучумовым разбираться. Но как? Выход

только один. Я взял лежавший у меня в сейфе заполненный магазин к ПМ, вышел в распоряжение и, направляясь быстро к Кучумову, громко крикнул:

– Рядовой Кучумов, ко мне!

Кучумов обернулся и громко ответил:

– Пошел нах!

В расположении раздался дружный, громкий, веселый и одобрительный смех солдат. В ту же секунду я подскочил к Кучумову и что есть силы, максимально расчётливо нанёс ему кулаком с зажатым в нём магазином удар в лицо. Кучумов пошатнулся, а я тут же нанёс ему ещё несколько ударов в туловище. Кучумов начал оседать. В это время один из солдат взвода обеспечения батальона успел принять стойку для нанесения удара по мне, и я мгновенно переключился на этого солдата, который после первых же ударов закрылся и медленно отступил, потом отыскал глазами ещё одного солдата, который явно громко смеялся, и нанёс несколько ударов по нему. Остальные быстро отскочили на безопасное расстояние, и все смешки резко прекратились.

Я осмотрелся. Кучумов, присев, пытался прийти в себя. Не дать ему этого сделать! Только добивать, пока не попросит пощады!

Я нанес сильнейший удар в туловище Кучумова ногой. Кучумов буквально завыл от боли. Не останавливаясь, нанёс ему удар ногой в голень. Потом ещё по несколько ударов ногами остальным двум солдатам. Оба запросили пощады, и я

им скомандовал:

– Встать!

Солдаты не смогли подняться, а я нанёс им ещё по паре ударов ногой, но уже не так сильно.

– Встать!

Вскочили.

Посмотрев на своего заместителя, скомандовал:

– Немедленно сюда три половых тряпки и ведра!

Через несколько секунд тряпки и ведра были на месте.

– Взлётку! Даю четыре минуты!

Оба солдата переглянулись, и я сразу нанёс им несколько ударов ногами, после чего началась влажная уборка. Этого от них мне было достаточно. Ни слова не произнося, подойдя к Кучумову, нанёс ему несколько ударов ногой.

– Хватит! – заорал Кучумов.

– Проси прощения, чмо! Громко, так, чтобы весь личный состав слышал! – заорал я и нанес ему сильнейший удар ногой в ягодицу.

– Не буду!

Я нанёс ещё несколько ударов, но Кучумов издавал только стоны. Не попросит. Бесполезно. Надо как-то выходить из этой ситуации. Подошёл к своей роте. Увидел один ненавидящий взгляд и тут же нанёс удар, потом ещё несколько ударов по кому попало. Воцарилась тишина.

– Батальон, строиться! Бегом!

Все быстро зашевелились, забегали.

– А сержанты в этом сраном батальоне есть?

Начали раздаваться команды сержантов. Построились. Мне доложили. Стояла мёртвая тишина.

– С этого момента все мои команды и распоряжения выполняются мгновенно и беспрекословно всем личным составом батальона. Есть те, которые не согласны?

Тишина.

– Не слышу!

– Никак нет! – ответил батальон **вразнобой**.

– Не понял.

– Никак нет.

В итоге через несколько раз получил громкий и дружный ответ. Кучумов продолжал находиться в том же месте и слегка постанывал.

– Вольно! – подал я команду.

Осмотрел весь строй и обратился ко всему личному составу.

– Мужики! Я не хотел этого всего. Я не хотел бить Кучумова. Даю вам честное слово. Как его зовут?

– Саня, – ответил кто-то.

Я подошёл к Кучумову и произнес:

– Саша, я не хотел тебя бить, я не хочу тебя унижать. Ты не оставил мне выбора, ты меня сильно унизил, и я был вынужден ударить своего сослуживца солдата, тем более русского. Прости меня, Саня! От души прошу. Прости. Я тебя тоже простил. Даже без твоих слов простил.

Я протянул руку, перекинул руку Кучумова через свою шею и начал поднимать его с пола. Посадил на табуретку.

Подозвал санинструктора роты (в то время эта должность ещё была в роте и ее занимал нормальный боец, имеющий диплом медучилища), приказал оказать помощь Кучумову.

– Почему? – задал я вопрос, подойдя к строю.

Бойцы смотрели на меня с недоумением.

– Почему, когда к солдатам грузинам или азербайджанцам приходит служить офицер грузин или азербайджанец, то они сразу окружают его и стараются помочь? А вы, когда пришел я, такой же русский, как и вы, встретили меня с враждой? Почему, я вас спрашиваю?

Стояла гробовая тишина.

– Вы все наверняка успели послужить и с кавказцами, и с призывниками из Средней Азии и многое успели понять. Почему вы меня так встретили? За что?

Я медленно обошёл строй, всматриваясь в лица бойцов. Многие отводили свой взгляд. Было видно, что мои слова запали им в душу.

– Я так мечтал о том, чтобы у меня все солдаты были русскими, пускай бурятами, украинцами, якутами, но русскими по мозгам, по культуре. И что получил? Я мечтал служить в России, дни считал, как вы, дембеля. Зачем вы так, ребята? Вынудили меня руку поднять на таких же, как и я, русских ребят. На прежнем месте службы я и с кавказцами, и с таджиками, и с узбеками нашёл общий язык, но очень тяжело.

Думал, что уж здесь всё будет по-другому. А что вышло? За что вы так, ребята, ко мне отнеслись?

– Извините, товарищ старший лейтенант, мы потом уже узнали, что вы в Карабахе воевали, но уже было поздно, – ответил один из самых авторитетных сержантов батальона, из соседней роты.

– А если бы не воевал, то что?

– Тогда другое дело.

– Почему?

– Офицеры тоже разные бывают.

– Мы вас больше не подведём, – спокойно произнёс мой заместитель.

– Тащ старшнант, давайте забудем, – предложил солдат взвода обеспечения батальона, который только что получил от меня.

– Согласен забыть. И у меня ещё есть пожелание. Не называйте меня, пожалуйста, старш- нант. Называйте меня товарищ старший лейтенант, членораздельно. Мне не просто так досталось это воинское звание. Ещё из этой же оперы: не называйте меня взводным, только командиром взвода. Потому что я командир, а не бегунок какой-то.

– Ясно. Так и будет. В нашем батальоне и командиры рот не разрешают их называть ротными, только командирами рот. Нам уже давно это объяснили, – произнёс сержант из миномётной батареи.

– Мы всё поняли, товарищ старший лейтенант, – глухо

произнёс Кучумов, который продолжал сидеть на табуретке.
– Разойдись! – скомандовал я.

Ко мне подошёл командир одной из рот, который был в этот день ответственным офицером в батальоне, молчал и тихо наблюдал, не хотел мне помешать.

– Красавчик, – коротко произнёс он и сильно пожал мне руку.

Утром ко мне подошёл Кучумов. Вид у него был плохой. Под глазом красовался большой синяк, одно ухо было перевязано, кроме того, он сильно хромал. Подошёл ко мне, как положено, и спросил:

– Товарищ старший лейтенант, вы докладывать комбату насчёт солярки будете?

– Нет.

– Спасибо. А насчёт чурок вы полностью правы. Они друг за друга горой, не то что мы. Мы, русские, очень разобщены, и это неправильно. Я с вами полностью согласен во всём. Знайте, если я увижу, что на вас наехали чурбаны, Кучумов тут же за вас впишется. И вообще с моей стороны больше проблем не будет. Вообще никаких.

Мы пожали друг другу руки и разошлись.

Кроме всего прочего, для меня это была проверка личного состава на наличие у них русской идентичности, и я чётко понял, что они успели хорошо усвоить межнациональную школу ещё Советской армии, вспомнили о том, что они Русские, и на этой идее они готовы объединяться даже с нена-

вистными им офицерами, которых они продолжают воспринимать как еще более им ненавистных «ментов», а не своих же командиров. Сейчас солдаты увидели, что есть офицеры, которые готовы вслух признать то, что думают сами солдаты. Появились некоторые зачаточные признаки единства между ними и мной, офицером. Соответственно я стал для них ближе, но всё равно не родным.

Уже неплохо для мирного времени и солдата срочной службы.

Этот авторитет не очень дорого стоит, но тем не менее это уже хоть какой-то авторитет, тем более я говорил солдатам только то, что сам лично думаю, ни капли не покривил душой и ровно поперёк тому словесному дерьму, которое им пытаются заправить в мозги под нынешним названием общественно-гуманитарная подготовка, то есть то, что недавно называлось политзанятиями и всяким там марксизмом-ленинизмом с их интернационализмом. Впервые на практике опробовал замену всему тому советскому совершенно новое и искреннее. Сделал для себя выводы вполне практические и очень обнадеживающие.

Заодно и у меня на душе отлегло – оказалось я совсем не одинок в своих взглядах и даже напротив, нас, с такими взглядами, в нашем небольшом батальоне абсолютное большинство, если не сказать, что все мы такие, с такими взглядами. Я не заметил ни одного не согласного со мной солдатского взгляда, несмотря на то, что из двухсот человек около

двух десятков были явно нерусскими, но и не кавказцами.

Это солдаты и сержанты, причём все срочной службы, естественно. А что офицеры?

Мнение офицеров я знаю хорошо, оно может быть только слегка мягче моего, но не на порядок даже. Не всё потеряно. Ладно, подождём, пока инородцы и в нижегородской области ещё больше борзеть будут, тогда, может, и народ поднимется. Эх! Сомневаюсь.

Нормально в итоге вышло выяснить отношения со всем личным составом солдат и сержантов батальона. Одним махом вышло! Круто. Всегда бы так. Теперь мне будет намного легче.

Утром заметил, как действительно многие начали смотреть на меня очень доброжелательно. Настроение улучшилось.

После развода комбат обратился ко мне и произнёс:
– Тимофеев. Зайди ко мне.

Настроение резко упало.

Оказалось, комбат был уже в курсе всех дел. Откуда? Понятно, что это не ответственный офицер доложил.

Разговор получился коротким. Суть его заключалась в том, чтобы я не слишком увлекался «мордобоем», а если и прибегать к нему, то по крайней мере не на глазах у всего батальона. А в конце нотации добавил:

– И насчёт межнационалки давай осторожнее. Перед строем-то зачем? А то замполитов хоть и освинячили на глу-

бину сибирских руд, но доложат кому-то что-то, типа, в танковом полку национализм русский и тому подобное и замучают нас проверками всякими. Нахер нам это нужно?!

Я промолчал. Мне понравилось, что мой командир очень даже согласен с моими взглядами по сути и только по форме с ними не согласен. С этих пор у меня не было никаких проблем с личным составом.

На майские праздники приехала Ольга. Мы ездили в Нижний Новгород и другие небольшие города области. Расстались с ней, обговорив все наши планы на отпуск.

Командир полка своё слово сдержал, и первого июля я уехал в отпуск на два с лишним месяца.

Ольга прилетела ко мне в Дзержинск, и мы вместе на машине поехали в Витязево почти на месяц. Туда же приехали мои родители. Потом на машине через Украину, Белоруссию, Литву отправились в Калининград. Из Калининграда мы с Ольгой по сложившейся традиции поехали по уже не нашей Прибалтике. Потом из Калининграда уже один – в Дзержинск. Каких-то серьёзных трудностей на границах мы ещё не испытывали, но на Украине и в Литве уже почувствовалось, что они вот-вот наступят. Особенно в Литве.

Осенью после увольнения личного состава пополнение не пришло. Как и обещали. Впрочем, к этому я был готов. С техникой был полный порядок. Этому вопросу я и, естественно, Осипов, старались уделять основное внимание.

Кучумов уволился, и в батальоне не осталось ни одного

водителя. Иногда приходилось садиться за руль УРАЛа офицерам, включая меня. Дослужились! Какая честь быть водителем грузовика!

В целом ситуация в полку продолжала деградировать. Из трёх танковых батальонов людей хватало максимум на два, в них и свели всех солдат-танкистов. Солдат своей роты я практически не видел, максимум три человека получалось «вырвать» для работы на технике, а так они всё время пропадали в различных рабочих командах и командировках. Боевая подготовка полностью отсутствовала, даже расписания не писали. Рабочий день был почти нормированным, с обязательным выходным. Изредка заступал помощником дежурного по полку.

На Новый год приехала Ольга. Я понимал, что она очень хочет замуж, но говорить мне об этом не осмеливается, знает моё мнение.

Весной в полку сократили штаты. Теперь даже по штату в роте должно быть тридцать человек, остальной личный состав должен был поступать из Автозаводского районного военкомата города Нижний Новгород в случае войны. На деле в роте было два солдата, оба механики-водители, а в батальоне восемь солдат. Деграция полная.

Летом 1993 года меня опять отпустили в отпуск летом, и мы с Ольгой повторили своё путешествие сначала на юг, потом в Калининград и далее по побережью Балтики. Неожиданно для меня Ольга призналась, что у неё появился парень,

ходит в моря и предлагает ей выйти замуж. Я спросил о её решении, а она ответила, что поскольку от меня предложений нет, то и у неё выхода другого тоже нет. Сказала, что пообещала парню дать ответ после его прихода из рейса. Больше к этой теме мы не возвращались. Мне было жаль терять Ольгу, мысли постоянно возвращались к этому вопросу, однако жениться я не хотел категорически.

В этой поездке стало известно, что с осени посетить наши Прибалтийские страны можно будет только по заграничному паспорту и по визе. А у нас, у офицеров, не было не то что заграничного паспорта, но простого не было. До меня дошло, что, возможно, я в последний раз в жизни вижу Ниду, Клайпеду, Палангу, Юрмалу, Ригу, Пярну, Таллин и другие города. Стало как-то нестерпимо больно и обидно. Но Литва, Латвия и Эстония стремились от нас отгородиться. Тяжело было на душе. К этим мыслям я возвращался постоянно. Не хотелось признавать, что местное население совсем не желает жить с нами, да ещё без границ. Возмущало и то, что мы не собираемся вводить визовый режим с Азербайджаном, Арменией, Грузией и всей Средней Азией. Вот если бы наоборот, со всеми южными странами визовый режим, а с Прибалтикой безвизовый!

Тогда я не понимал, как теперь можно будет попасть на машине из Москвы в Калининград. Получается, чтобы проехать в Калининград на машине или на поезде, нужна виза? Не может быть. Наши начальники не должны это допу-

стить. Но ощущения были тревожные. Это была моя последняя свободная поездка в Прибалтику, и о новых правителях России я думал слишком хорошо, всё потом оказалось гораздо хуже.

Опять я вернулся к тем, ещё детским и юношеским размышлениям о Родине. Покидая Прибалтийские страны, я остро почувствовал, что покидаю свою Родину, которая теперь мне и не Родина. Горько и тяжело было на душе.

Осенью в батальоне не осталось ни одного солдата. Боевая подготовка шла только в первом и втором танковых батальонах, да и то второй танковый батальон был не полного состава, а третий танковый батальон имел лишь механиков-водителей.

Впрочем, я, как и остальные офицеры-пехотинцы, со временем вошли во вкус новых условий службы. Размеренная и почти гражданская жизнь начала нравиться. Ностальгии по боевой подготовке было всё меньше. Я занялся подготовкой к академии и личной физподготовкой. Квартира у меня была оплачена до конца года, но были ещё коммунальные расходы, а деньги в полку прекратили платить вообще. Вместе с тем, несмотря на крайне экономный подход к расходованию денег, к ноябрю они закончились полностью.

Чему удивляться? Я всё-таки позволял себе с Ольгой расходы в отпусках. Грузинский запас полностью иссяк.

Всё время я ходил и думал, где достать деньги. На выплату денежного довольствия я не рассчитывал, потому что на-

чфин полка о нём давал мрачные прогнозы. Украсть я тоже ничего не могу. Нет боевой подготовки, нет топлива.

Очередная неприятность пришла, откуда я её ждал. Позвонил Ольге и узнал, когда у неё свадьба. Впрочем, это громко сказано, просто распишутся. Нормально поговорили без слёз и истерик.

– Оля, дорогая моя. От всей души желаю тебе счастья. Поверь мне. От всей души. Если бы я мог жениться на тебе, я бы это сделал. Не могу.

– А почему не можешь, Юра?

– А ты поедешь со мной служить в Дзержинск?

– Нет.

– Вот видишь, ты даже в Дзержинск не поедешь из Калининграда, а это не последний мой гарнизон и, возможно, самый комфортный и лучший.

– Юра, увольняйся! Я прошу тебя: уволься и приезжай в Калининград. Здесь у нас связи, мой отец тебя в свою фирму в конце концов возьмёт, построим дом на берегу моря и будем спокойно жить.

– Нет, Оля. Нет. Я женат на Русской армии, – эти слова я произнёс неожиданно для себя впервые в жизни. Раньше не слышал их ни от кого. Поразился точности сказанных мною слов и глубокому смыслу.

Надо запомнить эту фразу. Получается, это мой девиз. Надо же было мне влюбиться в эту дуру: Российская армия. Некрасивая, бедная, неухоженная, бездушная и очень дур-

ная, прямо совсем дура-дурой. А ведь я в неё влюбился. Точно говорят: любовь зла.

Грустно. Очень тяжело на душе. Я простился с очень хорошим и надежным человеком. На автомате пришёл домой. Опять вспомнил Лену. Похоже, я её любил и люблю, скорее, не саму Лену, а её образ. Перебрал в памяти всех своих женщин. Всех вспомнил с благодарностью и добротой.

Я опять один. Всё-таки неприятная вещь одиночество.

А как там Игорь? Ничего не знаем друг о друге, потому что чёрствые мы с ним душой и эгоисты.

В полку так ни с кем и не подружился, не хочется душу свою открывать. Со всеми нормальные отношения, но дружбы нет.

Достал бутылку вина, открыл и под эти мысли напился в одиночестве. Легче не стало, но смог спокойно уснуть.

Однажды утром я позавтракал только слабо заваренным чаем без сахара. В этот же день не было чем пообедать. Пойти в солдатскую столовую и поесть я, конечно, мог, но мои принципы не позволяли это сделать. Обжираться солдат считалось у нас «заподлю», очень низким поступком.

Другое дело официально встать на довольствие, но делать это я очень не хотел. Оставался один выход – получать продукты, положенные по продовольственному пайку на складе. С этим вопросом я подошел к начальнику продовольственной службы полка и на удивление быстро решил его. Вечером, разгрузив продукты из машины в квартиру, я устроил

маленький пир с первым и вторым блюдом.

Но вопрос денег продолжал меня мучить. Отчаянно перебирал все возможные варианты подработки. Съездил однажды на сортировочную станцию железной дороги, хотел подрядиться на разгрузку товарных вагонов. Какой я наивный! Там была уже своя мафия, и никого чужого мужики не пускают – самим жрать нечего, а у них ещё и семьи.

Начал таксовать, «бомбить» по вечерам и ночам. Клиентов совсем мало, едва отбиваю расходы на бензин, но всё-таки я свою машину заправляю ворованным в полку бензином.

В самом начале службы в полку я помог командиру ремонтной роты полка, старшему лейтенанту, провести выверку всего стрелкового оружия его роты перед стрельбами, за что он пообещал снабжать меня бензином для машины. Дело в том, что в его роте был очень драгоценный (без шуток) экземпляр техники: автокран Урал-375Д. Техника легендарная и в то время уже очень дефицитная. Из почти двух сотен единиц автомобильной техники полка – единственная такая машина. Главной ценностью этой машины было то, что расход топлива автомобиля «Урал-375Д» на 100 километров по паспортным данным составлял 48 литров АИ-93. В тяжёлых условиях расход мог достигать 100 литров на 100 километров. Естественно, эта машина никогда и никуда не выезжала, но, как я понял, по документам она постоянно якобы ездила по бездорожью полигона нашей дивизии. Ещё один автокран, но уже в инженерно-сапёрной роте нашего полка, был

уже на базе дизельного Урала-4320, разумеется, он и выполнял все необходимые в полку работы по предназначению.

Благодаря дружеской помощи командира ремонтной роты полка, я выходил на прибыль как «бомбила». Но это были мизерные деньги в резко обнищавшем городе.

Однажды отвез сильно выпившую женщину, а она выскочила из машины и заскочила в подъезд, не рассчитавшись со мной. Я даже не попытался её догнать. Разозлился, конечно. Плюнул и ... пожалел эту пьяную дуру. Понимал, что однажды она нарвётся не на такого, как я, и ей мало не покажется, ведь нравы в тот момент у сильно обозлённого населения были далеко не гусарские и сильно не гуманные. Так меня будут «кидать» постоянно. Бессмысленно так «бомбить». Коммерсант...

Торговля? Я не смогу. Не смогу и всё. Хоть стреляй! И всё же пошёл на рынок. Осмотрел всё не спеша. Лучше бы я этого не делал. Меня накрыла сильнейшая волна национализма. Теперь от этих экстремистских мыслей избавиться не могу. Вот они, хозяева новой жизни в исконно русском городе. Наглость у них уже просто зашкаливает...

Не могу! Чёрт! Что делать?! Перед глазами пулемёт ПКМ и ... От этой сладостной мысли становится легче на душе. Что делать? Что же мне делать?!

Шли дни, и я не находил никакой идеи, где заработать деньги. Кого бы грабануть? Это должен быть только преступник. Так мне будет легче на это пойти.

Сходил к единственному в городе в то время ночному клубу. Со стороны изучил крутившихся там бандитов, заметил, что в городе появились чеченцы и вспомнил ходившие в городе слухи о том, что чеченцы пытаются все бандитские дела в городе взять в свои руки. За одной машиной даже проследил, посмотрел, куда и зачем они поехали. Потом на следующий день продолжил слежку. Понял, что они ещё и овощную базу контролируют вместе с азербайджанцами.

Они все хорошо вооружены, и ограбить их можно, только вступив с ними в самый настоящий ближний огневой бой. Нет. Мне в одиночку это не проверить.

Попробовал поговорить на тему денег с одним командиром танковой роты – дерзким и очень боевым. Он, конечно, крайне возмущён тем, что нам не платят деньги, но, как я его понял, он не доведён до отчаяния. Ему тесть и тёща возят из Казани продукты регулярно, они там, вроде бы, устроены, так что получают что-то, и дача им помогает тоже.

Потом поговорил с одним командиром взвода из батареи ЗПРК «Тунгуска». Оказывается, он написал рапорт на увольнение и поедет к себе в Полтаву, на Украину, там отец открыл автосервис и в целом вполне прилично выживает, хоть и платит бандитам непомерные деньги.

Как-то так получилось, что не видел я больше в полку никого, кому мог бы доверить свои тайные мысли. Опасно.

Последний платёж за квартиру я уже сделал не за год, а до конца этого календарного года – настолько хватило тогда

денег. У меня оставалось очень мало времени до очередного платежа, и даже если перевести расчёты из годовых в ежемесячные, то проблема всё равно не решается, так как у меня и на месяц нет, и начфин не обещает начать сокращать долг по денежному довольствию.

Если переехать жить в общагу полковую, то я там сопьюсь. Хотя... может, и не сопьюсь, но всё равно эти долбанные дни рождения всякие и прочее...

Что делать? Мне нужна рабочая идея, и я её разовью, подумаю. Обязательно справлюсь. Где же взять идею?

На следующий день пошёл к полковым прапорщикам с целью поговорить вокруг да около в надежде услышать хоть какую-то идею или подсказку. Не получилось ничего и с ними. Так они нормально со мной общаются, но как только я начинаю говорить что-то ближе к деньгам, то на эту тему резко обрывают.

Ясно мне всё с ними. Они просто воруют, кто и что может, и тихо сбывают, делятся с кем положено. Язык намертво держат за зубами и, самое главное, мне, офицеру, по их мнению, ещё всё-таки молодому, они вообще на этот счёт не доверяют, скорее всего, даже боятся, считают меня не испорченным в этом плане и совершенно не годным для их тайных нехороших дел. Как им доказать, что я очень плохой? Как? Не знаю.

Жрать хочется! Уже вечер, и я совсем ничего не ел.

Пришёл в канцелярию роты, попросил одного солдата

найти мне немного хлеба, дескать, не успел поужинать, времени не было, благо, было немного заварки и несколько кусочков сахара. Солдат сбегал в солдатскую столовую и принес мне несколько кусков белого хлеба и даже пайку масла. Попытался вернуть ему масло, разумеется, солдат его не забрал. Я вида, конечно, не подал, но в душе ликовал. Выкрутился.

Как я мог остаться без гроша в кармане?! Как я такое допустил? Нужно у кого-то срочно одолжить деньги и думать дальше. Побираться за счёт солдатской столовой – это не выход из положения и смертельно позорно. Найти деньги хотя бы на хлеб. Это же копейки!

У кого одолжить немного денег? Начал мысленно перебирать в голове варианты и никого, кроме Осипова, не нашёл, у кого можно занять деньги. Он семейный, и у него всегда всё рационально, в отличие от меня, плюс жена работает, и, с его слов, ей даже зарплату платят – она у него врач в городской детской зубной поликлинике. Он говорил, что город платит, у местной власти деньги есть, и кроме этого его жена что-то имеет тоже, как я уловил.

На следующий день занял у Осипова деньги. Он мне действительно как старший брат, всё понял и одобрил мои будущие намерения быть крайне бережливым и экономным.

Рассчитал всё скрупулёзно. У меня всегда будут бульонные кубики, хлеб и майонез даже и... даже заварка. Я могу быть очень неприхотливым и очень экономным. Так дотя-

ну до очередного натурального продовольственного пайка, который получу на продовольственном складе полка и всё очень детально распределяю. Так будет впредь. Я смогу!

Но что делать с квартплатой? Как отдавать долг Осипову? Стыдно. Как же я до такой жизни дошёл? Зубная паста заканчивается... Буду совсем капельку выжимать. Эх! Как бы зубы с такой экономией не потерять?

Завтра в роте возьму кусок мыла солдатского – его в избытке. Вот на стиральном порошке сэкономлю. Мыло буду резать в стружку и обойдусь без стирального порошка, он теперь для меня действительно роскошь.

Унизительно. Мы, офицеры, для них, для этих недавних ещё коммунистов, твари дрожащие? Ох, и понесло мои мысли! Или мы всё-таки офицеры? Как бы у этих тварей забрать награбленные ими деньги?

Мне нужно как-нибудь сойтись с каким-нибудь менторским опером, получить от него информацию, где могут лежать наличные, и потом я всё решу. Или с ним в паре решить это дело. Лучше вдвоём. Или лучше одному?

Вот она спасительная идея! У нас недавно уволился замполит роты материального обеспечения и тут же поступил на службу в городское управление МВД. Не знаю, какую должность он там занимает, но я его завтра же найду и через него постараюсь выйти на уголовный розыск или тех, кто там реально ближе к криминальному миру и бизнесу.

На душе отлегло, и я продолжал обдумывать неожиданно

созревший первичный замысел. Потом успокоился и отложил все мысли на этот счёт на завтра.

Я сидел за столом на кухне, пил чай, смотрел в окно и слушал новости по включённому в комнате телевизору. На улице шёл мелкий, морозящий бесконечный дождь. Во дворе одиноко горел единственный фонарь, который освещал лишь часть двора, да и то плохо, так как этот дворик внутри сталинских домов был очень зелёным, с деревьями и кустарником.

В это время во двор въехала иномарка, остановилась возле одного из подъездов, из неё вышли двое и с двумя клетчатыми сумками для челноков вошли в подъезд. По позвончику пробежал холодок. Кровь хлынула в голову.

Я наблюдаю эту картину не первый раз. Похоже, в одно и то же время эта машина приезжает сюда, и эти два парня с сумкой идут в подъезд. В этом подъезде жил какой-то кавказец, он на рынке делами заправляет, я видел его неоднократно, когда он ближе к обеду выезжает на приехавшей за ним машине, а вечером возвращается. Потом к нему приезжают вот эти гости, или подельники.

Черт! Да, похоже, в сумке деньги! Не может быть. Если бы были деньги, они бы их хорошо охраняли, да и сумки были не маленькие.

С другой стороны, а чего им здесь бояться? Они здесь хозяева жизни. За день через рынок мало денег разве проходит? Плюс сами там, наверняка, чем-то торгуют.

Я быстро оделся в спортивный костюм, кроссовки, надел кожаную куртку с капюшоном и вышел во двор. Обошёл его по периметру, внимательно осмотрел и остановился в пышных кустах, рядом с подъездом, в котором жили кавказцы. Хотя на кустах листьев уже не было, они всё равно надёжно меня закрывали.

Водитель, сидевший в машине, меня не видел. Через некоторое время два парня вышли из подъезда, сели в машину и уехали. По обрывкам их речи я понял, что это азербайджанцы. Меня не заметили.

Вход в подъезд свободный. Поднялся на самый верхний этаж. Лестница на чердак, там люк с замком, самым обычным. Квартиру я вычислил. Это была одна из двух квартир с железной дверью, но дверь была очень мощной и красивой. На двери в подвал висит замок, по пыли на замке я понял, что в подвал никто давно не ходил. Если у них в сумке деньги, то значит, они привозят сюда выручку за день. Но куда потом эти деньги деваются? Где их хранят?

В следующие дни я нашёл ответ на эти вопросы.

С самого утра в подъезд кавказца приезжают разные люди, много: и кавказцы, и русские. Находятся там недолго и через некоторое время уезжают. Выходит, он эти деньги раздаёт на разные дела? Наверняка, не все, потому что, когда он выезжает, за ним поднимается водитель и несёт такую же сумку. Получается, что деньги надо брать, когда их привозят, и лучше делать это вечером в воскресенье, когда выруч-

ка на рынке самая большая.

В полку я договорился с начмедом, и он мне дал справку о болезни на три дня. Все дни я посвятил тому, что следил за объектом, и подготовке к преступлению. Мне казалось, что я продумал всё до мелочей.

Машину запарковал в одном из соседних дворов. Проверил и подготовил оружие. Купил себе чёрную шерстяную шапку с прорезью для глаз, четыре куска веревки, клейкую ленту, нож, фонарик, туристический рюкзак, большую сумку (рассчитывал на большую выручку), две пары тёмных перчаток для рабочих, два замка, кусок проволоки, ломик.

Вечером в воскресенье я зашёл в подъезд. Сломал замок, висевший на двери в подвал, и положил его у лестницы, за косяком, дверь прикрыл. Включил фонарик, спустился по лестнице. Вторая дверь, но уже без замка. Вошёл в подвал. Осмотрелся. Надежные стены сталинских домов не пропускали сюда никакие звуки.

Вернулся. Навесил на дверь подвала новый замок и закрыл его на ключ. Занял позицию в кустах. Фонарь во дворе мне никак не мешал, даже наоборот, позволял контролировать другую часть двора, поэтому я решил в лампочку не стрелять.

Сердце билось так, что мне было очень жарко, хотя температура воздуха была около нуля градусов. Время приближалось. Двор осветил свет фар. Это были «мои». Я быстро проскочил в подъезд, открыл замок, сунул его с ключами в

боковой карман. Всё сделал, как и продумал заранее. Вошёл в подвал и закрыл дверь.левой рукой держал дверь, в правой – пистолет.

Как только оба моих подопечных оказались в подъезде и пружина захлопнула за ними дверь, я распахнул дверь подвала и не очень громко произнёс:

– Упали оба на пол, стрелять буду!

Изумлённые лица кавказцев застыли в недоумении.

– Упали быстро, нах, считаю до двух!

Взгляд кавказцев сосредоточился на моём пистолете, на лицах появился страх.

– Раз! – произнёс я.

Парни упали на пол.

– Эй, слышь, брат! Не убивай. Мы ничего тебе не сделаем, бери деньги и уходи, – произнёс один из них.

– Не убивай! – произнёс второй с мольбой в голосе.

– Ты! – ткнул я стволом в голову первому. – Снял куртку и бегом в подвал.

Парень встал, скинул куртку и спустился по лестнице.

– То же самое! – приказал я второму.

Оба кавказца стояли у входа в подвал в конце лестницы у второй двери.

Мне казалось, что времени потрачено очень много, казалось, что вот-вот кто-то появится, поэтому от части плана, где я намеревался дать им сначала одному верёвку и заставить его связать напарника, а потом связать другого, я отка-

зался. К тому же я опасался, что во время, когда я буду связывать второго, он попытается вырваться.

– Быстро в подвал и отошли от двери на десять метров! Убью нах!

Кавказцы выполнили и этот приказ.

– Не убивай, не убивай только.

– Обещайте, что я вас больше никогда в России не увижу. Обещайте, что уедете к себе на Родину.

– Обещаю, брат, обещаем!

– Обещаем! – повторил второй.

Я захлопнул дверь и прикрутил петли замка проволокой. Поднялся. Содержимое курток быстро вывернул в сумку. Куртки бросил на лестницу в подвал. Обратил внимание только на то, что среди добычи ещё два пистолета, теперь уже ТТ.

Приоткрыл две большие клетчатые сумки, они были с деньгами. Рюкзак и моя сумка мне не нужны, не влезут. Пришлось запихивать рюкзак и черную сумку в сумки с деньгами. Время! Мне казалось, что я очень долго вожусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.